КАПИТАНЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ ВЛАДИМІРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДАВЫДОВЪ.

По окончаніи семинарскаго курса въ 1845 году, я занялъ на родинѣ, во Ржевскомъ уѣздѣ, должность сельскаго учителя, и однажды, въ лѣтніе свободные отъ классовъ мѣсяцы, получилъ отъ Владиміра Михайловича приглашеніе преподавать латинскій языкъ его племянникамъ. Двухмѣсячное пребываніе мое въ домѣ этого благороднаго человѣка останется для меня навсегда памятнымъ, потому что и я самъ, вмѣстѣ съ его воспитанниками, вынесъ оттуда нѣсколько добрыхъ уроковъ, какихъ не даетъ намъ ни одинъ учебникъ. Да простятъ мнѣ его родные, если, во имя правды и благодарности, я осмѣлюсь коснуться домашней его жизни и нѣсколькими словами почтить память его, какъ память праведнаго съ похвалами.

Владиміръ Михайловичь Давыдовъ, изъ старинной дворянской фамиліи, былъ ржевскій помѣщикъ сельца Колебакина, человѣкъ безсемейный, мужъ благочестивый, шестидесятилѣтній старецъ, посвятившій жизнь свою на благо своихъ ближнихъ и своихъ подчиненныхъ. Онъ имѣлъ около 80 душъ, былъ разумный агрономъ, примѣрный хозяинъ, человѣкъ чрезвычайно воздержный, врагъ праздности и роскоши; но, при всемъ томъ, едва ли оставилъ своимъ наслѣдникамъ то, что самъ получилъ. Все, пріобрѣтаемое имъ неимовѣрною по его лѣтамъ дѣятельностію и строгою бережливостію, отдавалъ онъ на жертву благотворительности. Когда, по истеченіи перваго мѣсяца, онъ

торопился отдать мнѣ мое жалованье, и я просилъ его не безпокоиться до моего отъѣзда; онъ сказалъ: «возьмите; я не знаю, буду ли имѣть къ тому времени деньги.» И дѣйствительно, онъ не зналъ, потому что благотворилъ такъ, что лѣвая рука не знала, что давала правая.

Онъ былъ нищелюбивъ и страннолюбивъ.

Нищіе, которые въ иномъ мѣстѣ съ такимъ страхомъ подходятъ къ барскому крыльцу, или вовсе обходятъ его, къ дому Владиміра Михайловича шли смѣло и съ надеждою. Они знали его. Онъ давалъ имъ и въ домѣ, и на дорогѣ, и по выходѣ изъ храма. Однажды мы стояли на крыльцѣ. Онъ былъ въ поношенномъ казинетовомъ сюртукѣ. Въ это время подходитъ къ намъ одинъ панъ (бѣдный дворянинъ) Бѣльскаго уѣзда, и, обращаясь къ самому помѣщику, спрашиваетъ у него:

«А что, дружокъ, нельзя ли мнѣ видѣть Владиміра Михайловича?»—Можно-съ, пожалуйте, отвѣчалъ онъ скромно: и они пошли въ комнату.

Бѣднякъ болѣе сутокъ прогостилъ у барина. При его отъѣздѣ, я не могъ узнать, что дано ему деньгами; Владиміръ Михайловичь велѣлъ только насыпать для него четверть ржи. Не прошло недѣли, какъ донесли, что бѣдный панъ пропилъ милостыню Владиміра Михайловича въ первомъ же кабакѣ. Я взглянулъ на него. Лице его было спокойно. Онъ только сказалъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ грусти: «Спаситель никого не велѣлъ осуждать!»

Одинъ бѣдный мой товарищъ и круглый сирота имѣлъ нужду отправиться въ Тверь за полученіемъ аттестата. Денегъ не было; а въ займы не вѣрятъ. Онъ обратился къ Владиміру Михайловичу, котораго зналъ лишь по слуху, и получилъ отъ него безвозвратно 25 рублей.

Другой мой товарищъ по курсу, домашній его учитель, а мой предмѣстникъ, захотѣлъ повидаться съ родителями. По пріѣздѣ домой, у него въ первую же ночь украли барскую лошадь съ упряжью и съ санями. Учитель зналъ, что благородный душою помѣщикъ никогда не напомнилъ бы ему объ

этомъ несчастіи, и потому могъ бы безъ всякаго опасенія явиться къ своему дѣлу: но онъ предпочелъ другой домъ и другіе уроки.

Однажды, при случаѣ, я упомянулъ Владиміру Михайловичу о потерѣ лошади.

«Стоитъ ли говорить объ этомъ?» сказалъ онъ съ свойственнымъ ему великодушіемъ. «Мнѣ жаль не лошади, а учителя. Онъ былъ прекрасный человѣкъ!»

И самъ я, вслѣдствіе разномыслія въ методѣ преподаванія, отправился изъ дому Владиміра Михайловича раньше, чѣмъ предполагалъ. Мы простились безъ неудовольствія. Я получилъ отъ него больше, чѣмъ стоили труды мои. Но только что пріѣхалъ я домой, въ слѣдъ за мною является дворовый его человѣкъ и говоритъ: баринъ приказалъ отвезти вашей матушкѣ полторы четверти ржи. Онъ знаетъ, что у ней большое семейство!

Усадьба Владиміра Михайловича лежитъ въ ¹/₄ версты отъ большой осташковской дороги. По этой дорогѣ, въ лѣтніе мѣсяцы, постоянно идутъ богомольцы поклониться мощамъ преподобнаго Нила столобенскаго, и часто туда и оттуда заходятъ къ Владиміру Михайловичу, или съ просфорою, или попросить на дорогу. Намъ нерѣдко приходилось обѣдать со странниками. Съ однимъ онъ бесѣдовалъ о Валаамской пустынѣ, о Соловецкихъ чудотворцахъ; съ другимъ о Кіевскихъ пещерахъ и даже объ Іерусалимѣ. При прощаньи онъ протягивалъ имъ руку и совалъ деньги такъ скромно и стыдливо, что нельзя было, ни видѣть, ни знать никому, кромѣ Того, который видитъ втайнѣ. По любви своей къ страннопріимству, онъ много имѣлъ сходства съ незабвеннымъ протоіереемъ ржевскимъ о. Матѳеемъ, съ которымъ былъ всегда въ прекрасныхъ отношеніяхъ, принималъ его совѣты съ благодарностію (какъ увидимъ ниже), и къ которому до конца дней своихъ сохранилъ глубокое уваженіе. Впрочемъ справедливость требуетъ сказать, что Владиміръ Михайловичь не былъ ни ученикомъ его, ни подражателемъ,—что личность эта стояла

также высоко и до появленія достойнаго о. протоіерея въ нашъ уѣздный городъ.

Владиміръ Михайловичь былъ весьма набоженъ и строго соблюдалъ посты. Тогоже требовалъ онъ и отъ всѣхъ окружавшихъ его. Въ храмъ Божій ходилъ пѣшкомъ, становился съ своими воспитанниками къ сторонѣ, молился съ усердіемъ и уже послѣ литургіи подходилъ къ сосѣдямъ — помѣщикамъ для привѣтствія. Въ одинъ воскресный день мы въ обыкновенное время отправились къ литургіи, но она уже кончилась, потому что священникъ имѣлъ нужду отправиться въ приходъ какъ можно ранѣе.

«Ну вотъ, дѣти, мы и согрѣшили», сказалъ онъ съ грустію!—Позвольте, говорю я, высказать мнѣ свое мнѣніе: грѣха я здѣсь не вижу; мы отправились въ должное время; Богъ видитъ наше усердіе, и не наша вина....

«Какое усердіе?», сказалъ онъ почти съ неудовольствіемъ. «Если бы мы имѣли усердіе, то не дожидались бы въ комнатѣ положенныхъ для благовѣста часовъ... На молитвѣ домашней онъ всегда затворялся въ кабинетѣ и долго не выходилъ. Послѣ вечерней молитвы, часу въ двѣнадцатомъ ночи, онъ съ книгою въ рукѣ, садится въ кресла и засыпаетъ въ нихъ. Но чрезъ два или три часа опять былъ на ногахъ.

Строгое соблюденіе постовъ въ домахъ помѣщиковъ, имѣющихъ постоянное жительство въ деревнѣ, есть дѣло обыкновенное въ православной Руси: но съ прискорбіемъ должно сказать, что не всѣ съ должнымъ благоговѣніемъ хранятъ постъ петровскій и среду съ пятницей. Богатый отзывается тѣмъ, что въ деревнѣ негдѣ купить хорошей постной провизіи; а бѣдный—что она очень дорога. Въ домѣ Владиміра Михайловича это было не такъ! Несоблюденіе постовъ здѣсь было, какъ и должно быть, грѣхомъ великимъ и непростительнымъ. Ни для какого гостя не было исключенія. Я помню, онъ отказалъ одному домашнему учителю за то только, что тотъ имѣлъ неосторожность немножко легкомысленно выразиться объ этомъ предметѣ. И не только отказалъ ему, но и убѣждалъ

его навсегда оставить должность наставника. Столъ у Владиміра Михаиловича былъ всегда хорошій, но это было для воспитанниковъ: самъ же онъ кушалъ очень мало и часто вовсе не садился. Нерѣдко я видалъ его съ ковшемъ воды въ одной рукѣ и съ кускомъ хлѣба въ другой. На мое удивленіе онъ отвѣчалъ, что такова его натура. Это быть можетъ; но всѣ знали, что и въ лѣтахъ молодости, въ службѣ флотской, онъ свято сохранялъ посты и былъ человѣкъ строгаго воздержанія.

Главная же заслуга его состояла въ безмездномъ приготовленіи дворянскихъ дѣтей въ корпусъ, въ благотворномъ вліяніи на ихъ нравственность, въ воспитаніи ихъ въ духѣ христіанскато благочестія. Любя страстно чтеніе, зная отлично многіе предметы науки, какъ то: исторію, математику, языкъ французскій и проч., онъ желалъ, кажется, передать молодому поколѣнію свои многостороннія познанія. Какъ человѣкъ образованный, онъ имѣлъ прекрасную библіотеку: но всѣ книги его были содержанія, или духовнаго, или ученаго.

Живя въ помѣстьѣ и не терпя праздности, столь свойственной помѣщикамъ съ безбѣднымъ состояніемъ, онъ рѣшился посвятить себя на образованіе юношества, и началъ тѣмъ, что обучилъ грамотѣ всѣхъ дворовыхъ своихъ людей, и многихъ крестьянскихъ мальчиковъ. Изъ числа первыхъ онъ имѣлъ впослѣдствіи хорошихъ для себя помощниковъ при образованіи молодыхъ дворянъ. Потомъ взялъ на свои руки племянниковъ, образовалъ ихъ, и когда въ корпусѣ они, своими успѣхами и нравственностію, вполнѣ оправдали его труды и заботливость,—онъ удвоилъ какъ свое стараніе, такъ и число воспитанниковъ. Наконецъ труды его по воспитанію обратили на себя вниманіе начальства и доведены были до свѣдѣнія тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, покойнаго князя Ширинскаго-Шахматова, который предложилъ ему занять коронную должность въ его вѣдомствѣ. Вл. М—чь отказался отъ предложенія и пожелалъ только имѣть оффиціальное дозволеніе на открытіе дворянской школы,—что ему и было даровано. Тогда онъ,

кромѣ своихъ родственниковъ, началъ принимать и посторонних, особенно дѣтей бѣдныхъ дворянъ, и всегда безплатно и на собственномъ содержаніи. Число воспитанниковъ доходило до 20-ти человѣкъ. Говорятъ, что когда признательные родители намѣревались ходатайствовать ему, за его заслуги, орденъ на шею: онъ отклонилъ отъ себя эту почесть, и съ скромностію сказалъ, что онъ довольствуется тѣмъ крестомъ на шеѣ, который возложенъ былъ на него при св. крещеніи.

Очень многое можно бы сказать о его прекрасной методѣ преподаванія, объ его умѣньѣ передавать многое въ словахъ немногихъ, о его таблицахъ на стѣнахъ учебной залы, о его кротости и терпѣніи, однимъ словомъ, о его педагогическихъ достоинствахъ: но цѣль и размѣръ статьи нашей дѣлаютъ такія подробности излишними. Довольно сказать, что всѣ его воспитанники, въ настоящее время, или достойные офицеры на службѣ отечества, или добрые помѣщики и истинные христіане.

Не менѣе добра сдѣлалъ онъ и своимъ дворовымъ людямъ. Обучивши всѣхъ ихъ грамотѣ, онъ нѣкоторыхъ изъ нихъ образовалъ даже выше ихъ состоянія. Такъ двое изъ нихъ отличными землемѣрами, а одинъ, съ знаніемъ дѣла, преподавалъ математику въ дворянской школѣ. Сверхъ того, всѣхъ ихъ обучалъ онъ мастерству, сообразно съ ихъ способностями и желаніемъ. Онъ строго смотрѣлъ за ихъ нравственностію; въ продолженіе дня повѣрялъ ихъ занятія; а въ теченіе ночи неоднократно подходилъ къ общей ихъ спальнѣ и наблюдалъ, нѣтъ ли кого отсутствующаго. Онъ весьма рѣдко выѣзжалъ изъ своей усадьбы, да и во время отлучекъ не оставлялъ ихъ безъ надзора. Являлся приходскій священникъ, почтенный о. Сергій, и порядокъ, заведенный домохозяиномъ, ни на минуту не измѣнялся. Здѣсь можно упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ.

Въ домѣ Владиміра Михайловича жилъ больной умопомѣшательствомъ братъ его, подполковникъ А. М. [1], отецъ много-

---

[1] Это былъ человѣкъ также жизни благочестивой, и страннымъ кажется пунктъ его помѣшательства. Больной говорилъ, что, для спасенія души своей, онъ долженъ съѣсть языкъ свой.

численнаго семейства. Чтобы нѣсколько облегчить слезы этого семейства, и избавить его отъ безпокойства, неизбѣжнаго при такихъ больныхъ, Владиміръ Михайловичь взялъ брата въ свою усадьбу, и, когда всѣ медицинскія пособія оказались тщетными, онъ обратился за совѣтомъ къ духовному врачу, о. протоіерею Матѳею. По его совѣту, шесть человѣкъ дворовыхъ людей, около шести лѣтъ, день и ночь, смѣняясь по очереди чрезъ каждые два часа, читали вслухъ надъ больнымъ св. Евангеліе. Совѣтъ этотъ не былъ безполезенъ. Если неизлѣчимо больной и несовершенно выздоровѣлъ отъ болѣзни, то, по крайней мѣрѣ, она значительно уменьшилась, обратившись въ глубокую меланхолію. Больной былъ спокоенъ, но молчаливъ до такой степени, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я ниразу не слыхалъ звуковъ его голоса. Разсудокъ, по видимому, начиналъ входить въ права свои; но старость пресѣкла скорбные дни сего почтеннаго страдальца. Между тѣмъ дворовые люди, при постоянномъ чтеніи евангелистовъ, такъ затвердили слова св. Писанія, что могли цитовать нѣсколько стиховъ наизусть, или подкрѣпить свое сужденіе удачно выбраннымъ текстомъ, такъ что нельзя было не любоваться простою, но доказательною ихъ рѣчью.

Изъ этихъ дворовыхъ людей и нѣсколькихъ крестьянскихъ мальчиковъ, онъ устроилъ хоръ пѣвчихъ въ 16 человѣкъ. Въ теченіе одного года они довольно стройно пѣли концерты въ своей приходской церкви, и, хотя въ лѣтнюю рабочую пору всѣ находились при работахъ: но вездѣ сохраняли данное имъ религіозное направленіе. Такъ однажды во время прогулки я увидѣлъ двухъ пастушковъ его, сидѣвшихъ на травѣ около барскаго стада. Вмѣсто безсмысленнаго мурлыканья и грубой пѣсни, они пѣли въ два голоса Херувимскую пѣснь, дѣлая тактъ руками. Я долго любовался такимъ дуэтомъ.

Наконецъ, Владиміръ Михайловичь вздумалъ сформировать изъ своихъ пѣвчихъ оркестръ духовной музыки. Куплены были инструменты и ноты. Уроки начались. Въ это время онъ имѣлъ случай видѣться во Ржевѣ съ о. Матѳеемъ и спросилъ

у него совѣта относительно музыки. Замѣчателенъ отвѣтъ о. Матѳея.

«Оно прекрасно», отвѣчалъ прозорливый о. протоіерей, «начало-то Божественное: а конецъ-то будетъ бѣсовскій!»..

И дѣйствительно, возвратившись въ усадьбу, онъ нашелъ своихъ музыкантовъ за игрою далеко не духовною... Тотчасъ инструменты были отобраны, и музыка рушилась.

Владиміръ Михайловичъ всегда былъ серьезенъ. Но однажды мнѣ пришлось услышать отъ него довольно остроумную шутку:

«Дѣти! сказалъ онъ, надобно прилежно изучать латинскій языкъ: это языкъ умный!»

— Почему же вы такъ думаете? спросилъ я.

«Потому что большая часть словъ латинскаго языка оканчивается на *усъ* и на *умъ!*»

Владиміръ Михайловичъ Давыдовъ умеръ во Ржевѣ въ 1849 г. Доктора, хорошо знавшіе строгій образъ его жизни, приписывали смерть его, кажется, самоизнуренію. Передъ смертію онъ отпустилъ на волю всѣхъ своихъ дворовыхъ людей. Одинъ только изъ нихъ остался, по стеченію обстоятельствъ, въ крѣпостномъ состояніи; но и тотъ, по желанію признательныхъ и благородныхъ наслѣдниковъ, былъ управляющимъ надъ имѣніемъ, которое, изъ уваженія къ памяти покойнаго, не дробилось до настоящаго новаго положенія.

Владиміръ Михайловичъ провелъ свою жизнь такъ чисто и безукоризненно, что никто не сказалъ и не скажетъ объ немъ ни одного дурнаго слова. Напротивъ, въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его и до сихъ поръ хранится искренняя любовь и глубокое уваженіе къ его памяти.

«Да, это былъ какой-то монахъ», сказала мнѣ однажды въ разговорѣ объ немъ одна особа, которая, при извѣстной слабости своей къ злословію, не могла найти ни одного пятна на имени этого достойнѣйшаго человѣка.

— Дѣйствительно, онъ былъ монахъ, отвѣчалъ я, и въ самомъ прекрасномъ значеніи этого слова!

Послѣ таинства елеосвященія, больной старецъ въ забытьи сказалъ: «вотъ... я... теперь... въ соборѣ!»

Дай Богъ, чтобы онъ былъ въ соборѣ праведныхъ. Онъ заслужилъ себѣ это мѣсто—и своею полезною дѣятельностію, и своею щедрою благотворительностію, и своею чистою христіанскою жизнію!

Священникъ Александръ Образцовъ.

Мая 15, 1863 г.
с. Воробьево, Ржевскаго уѣзда.